

ДОЙТИ ДО СУТИ

Опыт многократного прочтения Януша Корчака

Евгений Александрович Ямбург,
доктор педагогических наук, академик РАО, Москва

«Неужели вы собираетесь комментировать „Как любить ребёнка“? Но там же всё правильно и банально», — бросила мне одна известная дама-педагог, чем, откровенно говоря, задела за живое и ещё более раззадорила. Книгу Януша Корчака „Как любить ребёнка“ я неизменно (вот уже в течение сорока пяти лет) дарю молодым специалистам, которые впервые переступают порог школы, на каждом августовском педагогическом совете, что предшествует началу нового учебного года.

Убеждён — её должен прочитать не только каждый из тех, кто вступает на многотрудное поприще просвещения, но и те, кто решил произвести на свет или усыновить ребёнка. Почему? Об этом большой и обстоятельный разговор впереди. Но сегодня актуальность книги предельно обострилась. Прагматизм и обслуживающий его технократический дискурс окутали планету, наложив каинову печать на восприятие всех без исключения сфер жизни в так называемых цивилизованных странах по обе стороны океана. Чего в первую очередь требуют родители в родительских чатах или в онлайн-конференциях? И в России, и в Америке подавляющее большинство мам и пап единодушно хотят получить чёткие инструкции по обучению и воспитанию. Ребёнок представляется им неким фаршем, заправив который в педагогический конвейер на выходе можно получить хорошо воспитанного и образованного молодого человека, отвечающего чаяниям родителей и их представлениям о жизненном успехе. Отсюда прагматическое потребительское отношение к школе в целом и педагогам в частности.

• миф • Януш Корчак • правда • демифологизация

Он имел мужество сказать: «Не знаю!»

На память приходит ушлая американская старушка, которая отсудила у фирмы «Макдоналдс» миллионы долларов. Она обожглась горячим кофе. По решению суда фирме пришлось раскошелиться. Оттого-то

инструкции по использованию современных бытовых агрегатов, включая кофейные стаканчики, по объёму напоминают романы. Компанию обязали изменить температуру кофе и добавить крупную надпись с предупреждением на стаканчик.

Здесь следует оговориться: я не выступаю тотальным критиком технологии как таковой. В ряде сфер деятельности, в частности в медицине, слаженная работа врачей в соответствии с утверждённым международным протоколом обеспечивает оптимальные результаты лечения. Но педагогическую рецептуру я отрицаю, в чём вполне солидарен с Я. Корчаком: «Люди удивляются и ставят мне в вину, что я вроде бы отчасти и врач, а советовать не хочу». Он имел мужество сказать: «Не знаю!» Ибо нет двух абсолютно одинаковых детей (даже однояйцевые близнецы различны в своих интересах, жизненных планах и учебной мотивации). Поэтому мудрый врач, педагог и писатель выступал против педагогического механицизма. Именно с великого «Не знаю!» начинается подлинная педагогическая наука и рождается творческая практика, слетают педагогические шоры и рушатся мифы.

В 1982 году я беседовал с известным польским педагогом, в прошлом молодым сотрудником «Дома сирот» Александром Левиным. Мы сидели в кабинете Корчака. На стене — печальная фотография, известная всему миру. На ней грустный Януш Корчак прикрыл глаза, опустив руку на плечо ребёнка. Зная о его трагическом конце, невольно затихаешь перед документальным свидетельством его святости.

«Так случилось, — говорил Александр Левин, — что я присутствовал при съёмках этого кадра. В тот момент Я. Корчак весело играл с детьми в жмурки. Отсюда и прикрытые глаза. Миф никогда не должен заслонять человека». Я, помнится, возразил профессору Левиному и пригласил в Москву. К нашему спору о соотношении мифа и реальности в истории мы ещё вернёмся.

А пока только обнажённые факты. Нет, Генрик Гольдшмидт, известный всему миру как Януш Корчак, не был карасем-идеалистом. Это был достаточно жёсткий человек, офицер-военврач, прошедший три войны.

Книга «Как любить ребёнка» писалась не в тиши кабинета и не в интернате, где его любовно облепляли детишки. Поразительно, но книгу «Как любить ребёнка» он набрасывал в короткие моменты передышек между хирургическими операциями под стоны раненых и разрывы снарядов в прифронтовой полосе. Нашёл время и место для педагогического творчества...

Первая в его жизни война — Русско-японская. Задумывалась как маленькая победоносная, а обернулась началом краха империи. Второй фронтовой опыт Корчак приобрёл в годы Первой мировой войны, где врачи были поражены бессилием и моральным разложением царской санитарной службы. Не хватало лекарств, инструментов, дезинфицирующих средств и перевязочного материала. Бараки, которые должны были стать полевыми госпиталями, разваливались. Деньги, предназначенные на их ремонт, разворовывались. Взятничество достигало огромных масштабов. Особой бесчестностью отличался российский Красный Крест, который наживался тогда на всём — на доставке провизии для больных, на лекарствах, на одежде. Миллионные счета, которые он выставлял, невозможно было проверить, потому что в конторах и на складах то и дело случались пожары, в которых сгорали товары и счётные книги.

Однако вернёмся к запискам «старого» доктора. В 1915 году ему 35 лет! К этому времени он уже достаточно известный писатель и педагог.

Писательская цепкость глаза и литературный дар лишь помогали находить отточенные формулировки. К ежедневной письменной фиксации наблюдений за детьми Януш Корчак призывал как родителей, так и педагогов, объясняя последним, что «иначе их жизнь будет промотана зря». Поразительно, Корчак, впрочем, как и Макаренко, никогда не писал строго научных трудов, не защищал диссертаций.

Однако на их книгах защищены сотни, если не тысячи диссертаций.

Его педагогическая мысль отливалась не только в литературную форму. Януш Корчак обладал редким даром материализации педагогических идей, поскольку был, как сказали бы сегодня, блистательным менеджером образования, способным в сжатые сроки чётко организовать работу детского учреждения с невероятно сложным контингентом воспитанников. Тому есть неоспоримое доказательство.

В 1915 году, получив трёхдневный отпуск, Корчак отправился в Киев, в интернат для детей. Интернатом руководила Марина Фальская, которая с трудом справлялась с детьми, чьё сознание искалечила война. «Визит офицера, поляка, известного писателя, приехавшего прямо с фронта, воспитателя, понимавшего педагогические проблемы как никто другой, стал переломным моментом для всех. За три дня пребывания в киевском интернате Корчак преобразил хаотическую жизнь его шестидесяти обитателей. Из случайного сборища агрессивных анархистов они начали превращаться в демократическое сообщество. В начале своего визита он был втянут в дело тринадцатилетнего мальчика, которого обвиняли в краже часов и угрожали выгнать из интерната. С помощью проверенной (на Крахмальной улице, где располагался детский дом Корчака в Варшаве. — *Прим. Е.Я.*) методики товарищеского суда: свидетелей, обвинителей, адвокатов и судей, которых выбирали из воспитанников, — удалось доказать невиновность мальчика, а заодно дать понять детям, что их права здесь уважают. Он помог им организовать самоуправление. Предложил свою излюбленную идею: издавать собственную газету, показал, как это делать, сам написал вступительный фельетон, — позже присылал статьи с фронта. Днём он проводил время с мальчиками: расспрашивал об их прошлом, о судьбах, печалях, мечтах, советовал, поддерживал, придумывал игры, которые позволяли им хоть на минуту забыть о действительности. За эти три дня Корчак заразил Марину своей педагогической страстью, указал ей цель»¹.

¹ Олъчак-Роникер И. Корчак. Опыт биографии. — М.: Текст, 2015. — С. 251–252.

Нравственный закон внутри нас

Человека, прошедшего через грязь и кровь войн, ежедневно и ежечасно наблюдавшего смерть, трудно представить педагогом-романтиком. Да Корчак таким и не был.

Первая мировая не последняя в его жизни. Впереди революция, Гражданская война и провалившееся наступление Красной армии на Варшаву. Поляки выстояли, чудом сохранив свою независимость. Такой, обрётённый в боях опыт диктует реалистическое, лишённое сантиментов отношение к жизни и воспитанию новых, входящих в неё поколений.

Да, Януш Корчак ясно видел горизонт воспитания, включающий в себя категорический императив Канта — существование звёздного неба над головой и нравственного закона внутри нас, — но при этом никогда не отрывался от земли. Ибо был реалистом и отдавал себе отчёт в том, что школа стоит не на Луне и его воспитанникам предстоит жить в реальном мире. «Мир уродлив и люди грустны», — как сказал замечательный американский поэт Уоллес Стивенс. Из этого не следует, что бесполезно учить детей правде и прививать им вечные нравственные ценности. Но есть одно «но»: «Да разве может обойтись любовь к правде без знания дорог, которыми ходит кривда? Разве ты желаешь, чтобы отрезвление пришло внезапно, когда жизнь кулаком хама смажет по нашим идеалам? (Неожиданно жёсткое выражение писателя-сказочника и рафинированного интеллигента. — *Прим. Е.Я.*). Разве, увидев тогда твою первую ложь, не перестанет твой воспитанник сразу верить во все твои правды? Если жизнь требует клыков, разве вправе мы вооружать детей одним румянцем стыда да тихими вздохами?»

Твоя обязанность воспитать детей, а не овечек, работников, а не проповедников:

в здоровом теле — здоровый дух. А здоровый дух не sentimentalен и не любит быть жертвой. Я желаю, чтобы лицемерие обвинило меня в безнравственности!»² Задириста последняя фраза.

Лицемерие взрослых — проклятие воспитания во все эпохи. Самодовольные взрослые в массе своей, демонстрируя безупречный образ жизни, проповедуют детям идеальный способ существования, не допуская мысли, что те кожей ощущают и болезненно переносят фальшь: дистанцию между словом и делом. Но наступают времена, когда этот разрыв зашкаливает. Именно лицемерие казенных идеологов диктует государственную стратегию воспитания, основанную исключительно на положительных примерах из истории Отечества, призванных прививать детям любовь к родному пепелищу. А о путях кривды — ни слова. И это в условиях свободного доступа к любой информации.

«Именно лицемерие обвиняет в безнравственности, в отсутствии патриотизма и прочих смертных грехах тех воспитателей, которые рискуют обсуждать со своими питомцами «грехи нашей родины вечной». (Б. Окуджава)

Именно лицемерие приводит к тому, что ученик, однажды внезапно уличивший воспитателя в лукавстве, перестаёт верить ему. А в результате становится циником или стихийным бунтарем, чей протест выплескивается на улицы.

Задиристое желание Корчака, чтобы лицемерие обвинило его в безнравственности, сбывается на глазах. Старый доктор открыто смеялся, глядя на ханжество, способное выражать лишь праведный гнев и ничего более.

При всём том он не был диссидентом и ради блага детей был готов играть в разные

² Korczak J. Jak kochac dziecko, proza pedagogiczno-estetyczna (1919–1929) / Levin A. Janusz Korczak, Prisma wybrane: 4 t. — Т. 1. — 1978. — С. 234–235.

игры с сильными мира сего, прекрасно понимая, что власти всегда будут с подозрением относиться к независимо мыслящим людям.

Так, после майского переворота 1926 года Ю. Пилсудского, который не был бескровным, Корчак воспользовался симпатией к его литературному творчеству со стороны супруги диктатора. Она давала спонсорские средства на содержание двух детских домов. Мало кто знает, что Корчак одновременно руководил двумя детскими домами! Никаких государственных субсидий он не получал.

Вынужденные компромиссы доктора Корчака раздражали его более радикально настроенных коллег, которые считали, что такое поведение руководителя дурно влияет на воспитанников. Они настаивали на открытой модели детского дома, иными словами — на политизации школы.

Замечательно, что Януш Корчак совмещал в себе реалиста и утописта. Как это возможно? Доктор внимательно наблюдал за политикой, считал, что дети должны знать, как устроено государство, но при этом упрямо реализовывал на практике закрытую модель детского учреждения, создавая для своих воспитанников дом, в котором царит нравственное и психическое благополучие. Концепция, уязвимая со всех сторон. Его легко было упрекнуть (и упрекали) в утопизме и непоследовательности, в том, что на деле он пытался построить остров утопии. В этом, на мой взгляд, мнимом противоречии имеет смысл разобрататься. Да, он считал, что детей надо готовить к жизни, не утаивая от них суровых неприглядных сторон. Но одно дело — готовить к жизни, и совсем другое — бросить их в этот бушующий океан, предварительно не научив плавать. Корчак полагал, что столкновение с миром должно наступить лишь тогда, когда дети окрепнут. А на этапе взросления он делал всё возможное для сохранения их физического и психического

здоровья, а главное — прививал детям чувство самоценности и тем самым укреплял их собственное достоинство. Этим целям был подчинён весь уклад жизни детского дома, базирующийся как на неписаных традициях, так и на писаных законах. Невероятно загруженный человек, постоянно решавший массу финансовых и бытовых проблем, не прекращавший литературный труд, он не поленился разработать для детдома судебный кодекс — более тысячи страниц текста. В результате в его доме осуществлялось настоящее самоуправление и царила справедливость. Конечно, Корчак неутомимо обустроивал свой остров утопии, но по большому счёту все реализованные на практике педагогические системы представляют собой такие острова (колония Макаренко, коммуна Шацкого и др.).

«Нельзя устраивать революцию, не подумав о ребёнке»

По отношению к детям доктор Корчак занимал единственно верную охранительную позицию. Такая позиция особенно близка педагогам, осуществляющим воспитание детей в переломные эпохи. Революционер в педагогике, он тем не менее всегда предостерегал, выступая на рабочих собраниях: «Нельзя устраивать революцию, не подумав о ребёнке». В одном из своих писем он заметил: «Легче всего умереть за идею. Такой красивый фильм: падает с простреленной грудью — струйка крови на песке, — и могила, утопающая в цветах. Труднее всего изо дня в день, из года в год жить ради идеи». Как писал, так и жил, полагая, что по-настоящему преобразовать мир возможно, лишь преобразовав воспитание.

Как любить и воспитывать ребёнка в России? Этот вопрос я периодически слышу от чутких, тревожных родителей и педагогов. Он нерешаем для тех, кто по-прежнему исповедует веру в то, что бытие тотально определяет сознание. Такие люди видят вокруг себя кричащие противоречия, страдают от несправедливости окружающей жизни, но недооценивают силу Духа.

Что же касается сомнений в красоте жертвы во имя идеи, то мои личные впечатления — непосредственного участника событий августа

1991 года в Москве — их усиливают. Там, под мостом, в революционном порыве одни молодые люди накинули брезент, закрыв смотровые щели бронемашины, а другие молодые люди, сидящие в ней, с испугу открыли огонь. Никто не хотел умирать. Могилы погибших тогда утопали в цветах. Сегодня мало кто вспомнит их имена. Жертвенное поведение молодых людей, их «упоение в бою, у бездны мрачной на краю» — известный психологический феномен, который с превеликим удовольствием во все времена эксплуатируют технологи власти в собственных политических целях. Зрелый, состоявшийся человек вправе принять решение о вступлении в борьбу, трезво осознавая возможность своей гибели. Но втягивать детей во взрослые политические разборки, не думая о том, что они могут привести к кровавой развязке, — неприкрытый цинизм. Об этом хорошо бы помнить вдохновителям и организаторам молодёжных движений вне зависимости от того, под какими лозунгами и знаменами такие движения собираются.

Доктор Корчак, живой, непосредственный участник и свидетель войн, революций и переворотов в Польше, знал, как вести себя педагогу, попавшему со своими детьми в водоворот истории. Его жизнь и судьба — образец самого трудного вида героизма — героизма повседневности.

Отдельная горячая проблема — формирование религиозной, национальной и культурной идентичности. Корчак всю жизнь творил педагогику в раздираемой внутренними противоречиями Польше, находящейся между советским молотом и нацистской наковальней, общественная атмосфера которой не была спокойной и благой. Напротив — насыщенной страхами и предрассудками.

На него нападали все. Ортодоксальные евреи — за то, что он колонизирует детей. Поляки и ассимилированные

евреи — за то, что без надобности прививает воспитанникам чувство еврейского самосознания, затрудняя их интеграцию в польское общество. Сионисты — за то, что не убеждал детей ехать в Палестину. Коммунисты — за то, что не призывал их бороться с капитализмом.

«На каком фонаре ты меня повесишь, когда устроишь свою революцию?» — спросил он своего бывшего воспитанника, активиста одного из леворадикальных движений.

Больнее всего он переживал критику от самых близких, ибо среди его сотрудников и выпускников, которые принимали активное участие в жизни интерната, естественно, были люди разных взглядов. Но мудрый Корчак сознательно дистанцировался от любых политических и идеологических установок в педагогике.

«Молитвы тех, кто не молится»

Знаменательно, что такой же принципиальной позиции — быть ни с теми и ни с теми — придерживался замечательный православный священник отец Александр Мень, о чём он сам говорил мне незадолго до своей трагической гибели.

Корчак был далёк от узкоконфессионального подхода, но при этом признавал за каждым ребёнком право на выбор своего пути к Богу в соответствии с его семейными традициями. Отсюда его заметки «Наедине с Господом Богом», которые имеют подзаголовок: «Молитвы тех, кто не молится». К слову сказать, книга «Как любить ребёнка» неотделима от всех других произведений Корчака.

По-настоящему понять и оценить её глубину возможно лишь во взаимосвязи с ними. В целом его взгляды можно охарактеризовать как экуменические. Осознавая важность духовных потребностей у детей, он искал образцы для подражания в христианстве и иудаизме, у философов Востока, Древнего

Рима, Греции, в теософских, антропософских, масонских доктринах — во всех этических системах, которые считают заботу о высших ценностях главным мерилом человечества.

В книге «Как любить ребёнка» читаем: «Догмой могут быть земля, костел, отчизна, добродетель и грех, могут быть наука, общественно-политическая работа, богатство, борьба, а также Бог как герой, божок или кукла. Не во что, а как веришь». (Выделено мной. — Прим. Е.Я.) Последнее для педагога важнее всего. Корчак продолжает: «Я полагаю, корни многих неприятных сюрпризов в том, что одному дают десять высеченных на камне заповедей, когда он хочет сам выжечь их жаром своего сердца в своей груди, а другого неволят искать истины, которые он должен получить готовыми. Не видеть этого можно, если подходить к ребёнку с “я из тебя сделаю человека”, а не с пытливым: “каким ты можешь быть человеком?”»³

С позиции ортодокса, которых немало среди неофитов последних лет, такой подход недопустим. В поисках свободы Корчак, пользуясь его же выражением, «не потерял в давке Бога». Ему в одинаковой степени были чужды и мещанское преувеличенное понятие о человеческой мощи, и властные речения прислужников, посредников, толкователей: «Приди ко мне, ибо только мой Бог настоящий». Доктор Корчак слишком хорошо понимал, что «есть разные истины: твоя, моя, его. Наши истины неодинаковы вчера и сегодня. А завтра и твоя, и моя истина будут другими».

Искусителей во все времена было предостаточно, сегодня у нас им несть числа. Будь бдителен, педагог! Уже упомянутый отец А. Мень как-то заметил: «Звездоносцы — все одинаковы». Смирение, стремление укрепить прежде

³ Корчак Я. Как любить ребёнка. — М.: Педагогика, 1979. — С. 68.

всего себя самого — не по их части. Поиск врага, охота на ведьм — более привычные занятия в нашем истерзанном Отечестве.

«Комиссары» в монашеских клобуках отнюдь не лучше их коллег в пыльных шлемах. При всей внешней благообразности и велеречивости они всегда выдают себя одним существенным признаком — пеной у рта. Выражение это, ставшее крылатым, принадлежит Г.С. Померанцу: «Дьявол начинается с пены у рта ангела, который вступает в борьбу за правое дело».

Януша Корчака, человека тонкого, деликатного, в подлинном смысле слова наследника общечеловеческой культурной традиции, разумеется, не могли устроить узость и ригоризм в их любом проявлении. Непостижимым образом он сочетал в себе живую, без фанатизма, веру и мужественное, трезвое отношение к жизни: «Отринув толпу Твоих прислужников, — заслоняли, не допускали, — к тебе я стремился, мой Боже». Вот почему эсхатологические предчувствия, которыми наполнены книги Корчака, никогда не убивали в нём веселья и бодрости духа. Личность педагога такого масштаба не пригнешь к земле, но и не оторвёшь от неё. Пересечение же земли и неба, как известно, открывает линию горизонта в любой деятельности, включая и наше педагогическое поприще. В этом, если угодно, главный урок книги «Наедине с Господом Богом». И всё же символом веры, оправданием смысла бытия для Я. Корчака всегда был и оставался ребёнок. В поэтической форме это блестяще выразил А. Галич в поэме «Кадиш»: «Я старался сделать всё, что мог, / Не просил судьбу ни разу: высвободи! / И скажу на самой смертной исповеди, / Если есть на свете детский Бог: / Всё я, Боже, получил сполна, — / Где, в которой расписаться ведомости? / Об одном прошу: спаси от ненависти, / Мне не причитается она».

Польский патриот и офицер

В финале жизни Корчак продолжал держаться раз и навсегда избранного пути даже в людоедских условиях гетто. Он был верен своему принципу, что детям помимо еды нужна духовная пища, и до самого конца занимался с ними: они читали вслух, рассказы-

вали сказки, ставили спектакли. Проницательный мыслитель, знавший цену различным «измам», живой человек, испытывавший глубокие разочарования, подверженный депрессиям, что явствует из его дневника и писем, доктор Корчак, по меткому выражению И. Ольчак-Роникер, до последней черты играл с детьми в игру под названием «нормальная жизнь»! Кто-нибудь может предложить иной сценарий ухода в тех обстоятельствах?

Корчак был человеком мира. Он не был ортодоксальным евреем, но определённое время жил в Палестине, изучил иврит. Однако его главным образом интересовали дети в Библии.

В то же время он ощущал себя польским патриотом и офицером. Ничем иным нельзя объяснить его демонстративный поступок в гетто, когда, надев форму польского майора, он отправился в немецкую комендатуру выбивать продукты для детей. Разумеется, он там был избит и посажен в карцер. Вероятно, к такому акту его побудили неизжитые представления об офицерской чести даже врага, почерпнутые из опыта Первой мировой войны.

К слову сказать, те члены моей семьи, которые погибли в оккупации, отказавшись эвакуироваться по причине преклонного возраста и ограничения в передвижении (тетя, в честь которой меня назвали родители, была инвалидом с детства — ДЦП), помнили тех немцев, времён Первой мировой. Они вели себя вполне цивилизованно на Украине, пресекали попытки погромов... Но на этот раз пришли другие немцы — фашисты.

Жизнь, судьба и книги Корчака, а в первую очередь книга «Как любить ребёнка», постоянно подталкивают к аллегориям, параллелям с современностью. Что вполне естественно, ибо эта книга вечная. Она никогда не потеряет своей

актуальности. Читая и перечитывая её долгие годы, я не устаю поражаться мудрости и педагогической прозорливости автора.

Её главная интенция — призыв к уважению личности ребёнка, даже самого маленького, признание его права быть самим собой. Всё остальное — тонкости, детали и подробности. Но какие подробности!

Любое педагогическое откровение Корчака, которое без преувеличения можно сравнить с огранённым алмазом.

Судите сами: «Нищий распоряжается милостиней как заблагорассудится, а у ребёнка нет ничего своего, он должен отчитываться за каждый даром полученный в личное пользование предмет».

Сотни ежедневных микродрам на этой почве. Отец купил дорогой велосипед. Сын дал покататься друзьям. Сломали — скандал! Девушка одолжила подруге платье на свидание. Пятно — скандал! Подростку подарили на день рождения видеокамеру. Хочет взять в поход — скандал! Пусть снимает на память лишь идиллические семейные торжества. Но подарили-то ему!

Взрослых можно понять. Даром, как говорится, ничего не падает. Крайне раздражённая позиция: ничего твоего в доме нет. Когда будешь зарабатывать — тогда и будешь иметь право чем-либо распоряжаться.

Другая история: мать выбросила «хлам» из-под ванны. Второклассник в слёзы. В категорию хлама попали сломанные отцовские часы, израсходованные зажигалки, фантики и т.п. — всё то, что сын хранил в тайном месте, в специальной коробочке.

Не воспитываем ли мы изначально неуважение к чужой собственности? Ещё совсем недавно государство как собирательный образ отца милостиво позволяло нам пользоваться ею, но ни в коем случае не владеть. Оно и сегодня по возможности идёт по этому на-

катанному пути. И, между прочим, знает, что делает, ибо собственность — синоним независимости. Родителям также трудно примириться с независимостью ребёнка, тем более она эфемерна.

Так, высказанное Корчаком замечание выступает для вдумчивого педагога своего рода триггером, запускающим целый каскад мыслей о правильном и должном в культуре в целом и в педагогике в частности.

Или в другом месте: «Мы играем с детьми краплеными картами: слабость детского возраста бьём тузами достоинства взрослых. Шулеры, мы так подтасовываем карты, чтобы самому плохому в детях противопоставлять то, что в нас хорошо и ценно».

Сегодня в российской педагогике этот карточный фокус не проходит (как бы того ни хотели присяжные идеологи казенного воспитания), ибо все покровы оказались сорваны. Вечная проблема отцов и детей обернулась проблемой блудных отцов, промотавших наследство. Эпоха перемен обнажила несовершенство взрослых, их преступления перестали быть тайными.

Пожалуй, достаточно примеров. Не хочу лишать вас радости самостоятельного прочтения и разворачивания педагогических формул Януша Корчака. Замечу лишь, что такой способ прочтения — это напряжённый труд. Отдавая себе отчёт в несовершенстве мира, тем не менее он ставил перед собой, казалось бы, невыполнимую задачу — воспитать нравственных детей.

Не устаю повторять вновь и вновь: коренная педагогическая проблема, никогда не теряющая своей актуальности, в равной степени волнующая педагогов, родителей, — можно ли в безнравственном обществе воспитать нравственных детей?

Опыт Корчака подтверждает: да, можно! Но при условии, что воспитатель сосредоточит свои усилия на главном направле-

нии — созидании и сохранении у ребёнка чувства собственного достоинства. В этом альфа и омега педагогической системы Корчака. Всё остальное — лишь разнообразные инструменты, необходимые для решения правильно поставленной задачи.

*Чувство собственного достоинства —
вот загадочный инструмент.
Создается он столетьями,
а утрачивается в момент.
Под гармошку ли, под бомбежку ли,
под красивую ль болтовню,
Иссушается, разрушается,
сокрушается на корню.*
Б. Окуджава

Всяко бывает. Ведь педагогу, как и поэту, по словам Ф. Тютчева, «не дано предугадать, как слово наше отзовется». Но писатель и педагог Корчак, находясь у последней черты, продолжал фиксировать сохранение этого «загадочного инструмента» у детей. Даже в страшных условиях гетто дети из Дома сирот были известны во всём районе как воплощение благородства. Из его дневника: «Я остановился у кровати, на которой лежал ребёнок. Думал, что он болен и о нём забыли. Потому что такое часто случалось. Наклонился и вижу, что ребёнок умер. И в эту самую минуту входит маленький дошкольник и кладёт на подушку умершего хлеб с мармеладом.

— Зачем ты ему даёшь?
— Это его порция.
— Но он же умер.
— Я знаю, что умер.
— Тогда зачем ты положил хлеб?
— Это его порция»⁴.

«Миф никогда не должен заслонять человека»

В заключение — о нашем споре с профессором А. Левиным в кабинете «Дома сирот» Януша Корчака в Варшаве. Помните, профессор утверждал, что миф никогда не должен заслонять человека? Мы договорились

⁴ Ольчак-Роникер И. Корчак. — С. 546–547.

с ним продолжить разговор в Москве. На дворе стоял 1982 год, в Польше было введено военное положение. Генерал В. Ярузельский интернировал лидеров «Солидарности».

Неугомонный пожилой профессор консультировал и поддерживал своих бывших воспитанников, активных сторонников и участников запрещённых акций. Впрочем, бывших воспитанников для педагога не бывает. Со многими из них он провёл годы ссылки на Урале, возглавляя там детский дом для польских детей. Среди них были дети расстрелянных в Катыни офицеров. На родину их отпустили только в 1956 году, после XX съезда партии. Наша педагогическая академия побоялась пригласить А. Левина — автора многих признанных в Европе книг. В их числе «Триптих педагогический: Корчак, Фрэне и Макаренко». Он приехал по личному приглашению. «Как я устал повторять бесконечно всё то же и то же, / Падать и вновь на своя возвращаться круги. / Я не умею молиться, прости меня, Господи Боже! / Я не умею молиться, прости мне и помоги...»

Крутится плёнка на старой «Язуе». Как и положено по тем временам, на московской кухне вместе с А. Левиным мы слушали запрещённого А. Галича, его поэму о Януше Корчаке «Кадиш»: «Шевелит губами переводчик, / Глотка пересохла, грудь в тисках, / Но уже поднялся старый Корчак / С девочкою Натей на руках».

Профессор оживает: «Я тоже помню эту парализованную девочку, и мне приходилось её носить...» Я вздрогнул. Историкам понятно это ощущение, когда внезапно осознаешь, что знаком со своим героем, в данном случае с Корчаком, через одно рукопожатие. «Знаменосец, козырек заломом, / Чубчик вьётся, словно завитой, / И горит на знамени зелёном / Клевер, клевер, клевер золотой».

Мы продолжаем старый варшавский спор о мифе, который не должен заслонять человека. «Едва ли, — говорит профессор, — обессиленный в гетто Корчак был в состоянии построить «Дом сирот» в колонну и развернуть знаменитое зелёное знамя — символ детства».

Но миф в его высоком значении, обнажающий метафизическую суть трагедии, так просто не отбросить. Послушайте, как точен А. Галич: «Может, в жизни было по-другому, / Только эта сказка вам не врет, / К своему последнему вагону, / К своему чистилищу-вагону, / К пахнущему хлоркою вагону / С песнею подходит «Дом сирот».

Может, в жизни было по-другому. Только эта сказка нам не врет! Какая, в сущности, разница, шёл Корчак во главе колонны с парализованной девочкой на руках или его самого несли на носилках. Сегодня достоверно известно, что его могли вывести из гетто и предлагали этот вариант, но педагог принял решение остаться с детьми до конца.

Для этического подвига такого масштаба нужны надёжные основания. Не только для того, чтобы достойно испить чашу до дна, в не меньшей мере — чтобы жить. Видимо, из тех же источников внятная педагогическая позиция стоического оптимизма Януша Корчака, сохраняемая на протяжении всей жизни, при любых её драматических поворотах. Печаль и труд — так определил он суть своих воспитательных усилий. Но это лишь видимая

сторона жизни. Куда сложнее экзистенциальное постижение его личности.

Детство и старость, бессилие и бунт, жалобы и раздумья, радость и творчество — регистрация состояний человеческого духа? Корчак, как никто другой, обладал чувством эмпатии — умением вжиться, вчувствоваться в другого человека, мог «слышать шепот умерших и живых».

Он сам — целый мир: художник, учёный, простолюдин, но главное — ребёнок. А. Галич это почувствовал: «Окликнет эхо давним прозвищем, / И ляжет свет покровом пряничным, / Когда я снова стану маленьким, / А мир — опять большим и праздничным».

P.S. Есть мифы и Мифы. Арийский — омерзительный миф, столетиями поднимающий со дна на поверхность сознания пещерные племенные инстинкты, возбуждающие ненависть и агрессию. В данном случае демифологизация — единственное эффективное средство от пандемии озверения, которая периодически охватывает те или иные народы.

Однако есть мифы, осветляющие душу. Таков миф о докторе Корчаке. В данном случае демифологизация его жизни и судьбы только обогащает наши представления об этом Великом человеке, рождая ещё большее уважение, сострадание и любовь к нему. **НО**

Get To The Point. Experience Of Repeated Reading Of Janusz Korczak

Evgeny A. Yamburg, doctor of pedagogical Sciences, academician of RAO, Moscow

Abstract: *The book «How to love a child» by Y. Korczak. The personal attitude of the author. Demythologization of the life of Y. Korczak.*

Keywords: *myth, Janusz Korczak, truth, demythology.*

Spisok ispol'zovannykh istochnikov

1. *Ol'chak-Roniker I.* Korczak. Opyt biografii. — М.: Tekst, 2015. — S. 251–252.
2. *Korczak J.* Jak kochac dziecko, proza pedagogiczno-estetyczna (1919–1929) / Levin A. Janusz Korczak, Prisma wybrane: 4 t. — Т. 1. — 1978. — С. 234–235.
3. *Korczak Ya.* Kak lyubit' rebonka. — М.: Pedagogika, 1979. — S. 68.
4. *Ol'chak-Roniker I.* Korczak. — S. 546–547.